

Семен Юшкевич

Странный мальчик

Семен Соломонович Юшкевич

Странный мальчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=662915

С. С. Юшкевич. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Перед нами стоял оборванный, босой мальчик, поразительно худой, но чистенький, с удивительно нежным лицом, заострённым книзу. У него были большие чёрные глаза с длинными ресницами. Губы были бескровны, а цвет всего лица напоминал свежий воск. Всего же удивительнее в нём был его голос...»

Семен Соломонович

Юшкевич

Странный мальчик

– Стой, лягушка! – вдруг крикнул Коля, подняв палку.

Мы были уже подле «ключа»; раздался свист в воздухе, и палка камнем упала на землю.

– Чёрт! – выругался Коля, – промах.

Стёпа бросился к «ключу» и с ожесточением стал умищаться. Теперь вместо чёрного он стал сизым, и в этой сизой рамке весело блестели и смеялись серые глаза.

– Промач, так промах, – раздался его голос, – айда наверх, там не промахнёмся ужю.

Он отбежал от ключа, зорко поискал глазами лягушку в траве и вдруг свистнул, прыгнул, встал, завертелся на каблучке и поскакал дальше. Мы бросились за ним. Пред глазами моими мелькнули задние лапки лягушки, ладонями вверх.

– Ну, ничего, – с мелькнувшим состраданием в душе произнёс я, – ну, пусть.

Эти слова я ещё машинально шептал, когда мы уже были на второй площадке. Здесь мы сделали привал и решили раньше переговорить с таинственным существом, сидевшим на скале, прежде чем приступить к задуманному. Теперь неизвестный вырисовывался отчётливо, хотя черт лица

его нельзя было разглядеть. Но Коля не ошибся... Это, действительно, был мальчик, лет 14, а может быть и постарше.

– Как же быть? – спросил я.

– Сейчас увидишь, – отозвался Стёпа.

Он поднял камень и, хотя знал, что до скалы ему никогда не докинуть, всё-таки бросил его, вероятно, чтобы настрашать. Потом выставил ногу вперёд, задрал голову и прокричал:

– Эй, ты, леший, отвечай откуда взялся и кто ты такой!?

Привидение посмотрело вниз и видимо не поняло, чего от него хотят, ибо опять равнодушно подняло голову и стало смотреть на море.

Стёпа ещё раз бросил камень, бросил и Коля, за ним я, и все мы загорланили:

– Эй, ты, чёрт! ты как смел на нашу скалу взлезть?.. Сходи живей!

А Коля закончил:

– Не сойдёшь добром, мы стащим тебя и так отколотим, что год будешь помнить.

Мальчик нагнул голову, с удивлением посмотрел на нас и спросил:

– Это вы мне говорите?

Голос его был такой тихий, что едва доходил к нам.

– А то кому же? – рассердился Стёпа, – другой собаки, кроме тебя нет здесь; стало быть – тебе. Ну, слезай; нечего там сидеть.

– Я могу сойти, если вам этого хочется, – донёлся к нам голос. – Что вам нужно от меня?

– Так я тебе и отвечу, – проворчал Стёпа и опять крикнул. – Слезай! Сказано сходи, стало быть нечего спрашивать. Ну, живее... Бросить разве в него ещё раз камнем? – обратился он к нам.

– Мне нравится ваш крик, – произнёс как бы с удивлением незнакомец на скале. – Я иногда люблю слушать, как кричат. Крикните ещё раз и я, пожалуй, сойду.

Всё это было произнесено каким-то мечтательным тоном, который прогонял из сердца гнев. Только Стёпа не унимался и голос товарища с особенной силой звенел, когда с уст его срывалась ругань.

– Ну, вот и хорошо; и отлично, – одобрило привидение крик Стёпы. – Теперь подождите, я сейчас буду подле вас.

Одну минуту у меня была мысль, что он слетит к нам. Я затаил дыхание. Но вот он скрылся на мгновение – и сейчас же показался под скалой. Потом легко и плавно сбежал вниз.

– Вот я и спустился, – произнёс незнакомец, – правда, скоро?

Мы были ошеломлены. Даже Стёпа на миг унялся. Перед нами стоял оборванный, босой мальчик, поразительно худой, но чистенький, с удивительно нежным лицом, заострённым книзу. У него были большие чёрные глаза с длинными ресницами. Губы были бескровны, а цвет всего лица напоминал свежий воск. Всего же удивительнее в нём был его го-

лос. Он был и звучный, и тихий, и приятный, как будто тоскующий, проникал в сердце и радовал, и мучил его. Хорошо было слушать его, но сейчас же жалко чего-то становилось и не радовал светлый день, солнце; что-то прошлое, ушедшее, просилось в душу и как будто это по нем была жалость.

– Ну, говори, – властно произнёс Стёпа, наконец, – ты кто такой?

Мы с Колей бросились в траву и только Стёпа продолжал стоять в угрожающей позе и волосы на голове у него ошетились, как у ежа.

– Я сын царя, – произнёс мальчик.

Коля живо повернулся, чтобы хорошенько рассмотреть незнакомца. У меня чуть сердце не разорвалось от волнения, и я одобрительно улыбнулся ему. Стёпа насмешливо засвистал, и свист этот, как длинная чёрная нитка, соскользнул с его губ, тихо скатился с площадки и пропал под горой. Стало тихо. Как будто потемнело. Вспорхнула стрекоза, задрожала крыльями и пала подле нас. Две бабочки, догоняя друг друга, закружились над головой таинственного мальчика и, вдруг, круто повернув полёт, скрылись на третьей площадке.

– Врёшь, – наконец произнёс Стёпа. – Разве у царя такие сыновья бывают? Я и то лучше тебя одет. На тебе и башмаков даже нет...

– Это ничего не значит, – возразил настойчиво мальчик. – Хотя я знаю, что вы поверить мне не можете и что я ничем не могу доказать этого, я всё-таки утверждаю, что я сын царя.

Здесь даже Коля не выдержал и засмеялся. Только я один верил таинственному мальчику и с участием слушал его.

– Вы нам басен не рассказывайте, – произнёс Коля своим тоном, не терпящим противоречия, однако уже вежливо. – Мы знаем, что такое царь, и каким должен быть его сын. Вы же похожи на самого бедного мальчика, которого я когда-либо встречал. Наверное вы – нищий.

– Нет, я не нищий, – с живостью возразил незнакомец.

Стёпа сел, не переставая бросать на мальчика враждебные взгляды, а тот продолжал отвечать нам, как преступник судьям.

– Я живу, – продолжал мальчик, – с родными. У нас маленькая лавочка. Отец стар и слеп. У меня есть мать и брат помоложе меня. Мы живём в этом доме всего несколько дней. Лавочку же мать откроет дня через два, так как дождь испортил весь товар, когда мы переезжали. Вы видите – я не нищий.

Я перестал его совершенно понимать. Разочарование миг охладило моё участие к нему.

– Ну вот, – расхохотался Стёпа, – я ведь говорил, что ты врёшь – и так оно и вышло! Вишь ты, какой царский сын нашёлся. Батька твой, говоришь, лавочник. А может вор. Я бы тебе уже ухо расквасил, кабы ты не такой худой был. Знал бы в другой раз, как врать. На гору же больше не смей приходить. Хозяева этой горы – вот они, – он с гордостью указал на нас, – и сюда никому приходить нельзя.

– А всё-таки я сын царя, – повторил мальчик с убеждением. – То, что вы мне сказали, меня не удивляет, так как здесь мне все тоже самое говорят. Но ведь всё это я «здесь» слышу. «Там» же – я сын царя, – он сделал ударение «там», – у меня прекрасный замок, отделённый от других золотыми прутьями. В моей конюшне двенадцать серебряных лошадей. Мой учитель и друг, старый «Наставник», первый советник царя, отца моего. У нас есть враг «Красный Монах», с которым я недавно сражался. В наших лесах живут львы, слоны, носороги, тигры, и я охочусь на них со своими стальными собаками. И много, много чудесного есть в нашем царстве. Отец же всегда сидит на троне из золота и слоновой кости: у него борода белая и густая, как баранья шерсть и спускается до первой ступени трона.

– Подождите, – прервал его Коля, – я сейчас уличу вас в обмане. Отвечайте, вы носите одежду сына царя или бедняка?

– Бедняка, – ответил таинственный мальчик, улыбаясь.

– Хорошо. Отец ваш лавочник и живёт со вчерашнего дня в нашем доме. Вы так сказали.

– Мой отец слепой. В лавочке же находится мать, и живём мы в вашем доме.

– У вас есть ещё брат?

– Да, моложе меня и все его любят.

– Вот видите, – уже снисходительно произнёс Коля, – я и докажу, что вы нас обманываете: мы ведь знаем, что у каж-

дого человека есть один отец; но так как ваш отец-лавочник не может быть в то же время и царём, и так как у каждого мальчика может быть только один отец, то и выходит, что вы нас обманываете.

Он с торжеством, словно хорошо решил задачу, посмотрел на мальчика, но тот нисколько не смутился и, улыбаясь, сказал:

– Я сяду подле вас, так как устал стоять. Я очень скоро устаю.

И когда сел, то продолжал:

– «Здесь», – он опять сделал ударение, – здесь, действительно, выходит так, как вы говорите. Здесь я почему-то сын лавочника, у меня младший брат и я в одежде бедняка. Однако всё это здесь, вот здесь, на земле. Но в том-то и дело, что я живу не «здесь», а «там».

Он опять подчеркнул свои слова, и я почувствовал, что у меня зашевелились волосы на голове. Очарование вновь овладело нами.

– Я ничего не понимаю, – произнёс Коля, совершенно озадаченный. – Что значит – здесь и что значит – там?

– Что понимать, – рассердился Стёпа, дать бы ему вот так, раз!.. – Он уже поднял руку, но я во время успел удержать его.

Таинственный мальчик даже не пошевелился, чтобы защитить себя, и улыбался своей загадочной улыбкой.

– Я вам объясню, – просто сказал он. – Моя настоящая

жизнь есть то, что у вас называется сном. Когда-то, будучи ещё очень маленьким, я думал так же, как вы. Я верил, что живу здесь, на земле, что отец мой лавочник, что сон дан для отдыха. Но с восьмилетнего возраста я стал учиться, перечитал много книг, сам много думал и постепенно пришёл к мысли, что жизнь здесь, на земле – обман, как считал некогда обманом и сон, и всё, что снится. Подумайте, здесь я почему-то бедный, несчастный мальчик, с которым всякий может всё, что угодно, сделать; здесь почему-то у меня отец слепой и бедный старик; здесь всей моей семье страшно тяжело жить... В моей настоящей жизни, – а она начинается, когда я засыпаю, – я свободен, не страдаю, я не слабый мальчик, которого каждый может бить, оскорблять, который часто голодает со своей семьёй. В моей жизни мой отец – царь, и у него трон из золота и слоновой кости. Меня любят и лелеют. Вы видите, я не обманываю вас. Нет, вы не знаете, какая моя жизнь изумительная. Можно ли верить, что не сон, не гадкий сон жизнь здесь, на земле? Ведь у нас даже земли не существует. У нас нет ночи и никогда я не был во тьме, в моей жизни. На нашем небе четыре великолепных солнца. У нас есть горы, но они из облаков, не чёрного цвета, а белого, бархатистые, и ног не давят, когда по ним гуляешь. Там я никогда не устаю. Я выхожу часто из нашего царства с «Наставником», и любимая наша прогулка по млечному пути. Как я счастлив там! И лишь когда я засыпаю там, мне снятся тяжёлые сны. Снится земля, отец-лавочник, беднота, вы, эта

гора, это море. Ах, какие у нас моря – если бы вы знали!

Он всплеснул от восторга руками; мы же сидели онемевшие, с чувством большого счастья от его рассказов, но испуганные теми вопросами, которые тут же постепенно начинали зарождаться в наших головах. О какой другой жизни он нам говорил? Разве наша не настоящая, и гора, на которой мы сидим, не существует? Разве сон и сновидения не проходят с наступлением утра? Что-то дикое и мучительно-ужасное пробежало в моей голове, но странно – душу переполняло что-то тёплое, таинственное и радостное, как будто я замёрз и теперь оттаивал. С каждым словом этого незнакомого мальчика очарование всё более охватывало меня, и мне казалось, слушая его, что между нами давно существует какая-то тайная связь; что мы где-то уже были, жили, разошлись и снова встретились теперь... Что-то похожее на любовь, на страстную привязанность зарождалось к нему, и сознание о том, что он не мой, не брат мой, не мой друг, причиняло мне страдания.

– Говорите, рассказывайте, – шёпотом попросил я, схватив его за руку, и когда он, услышав мой шёпот, посмотрел на меня, я почувствовал, как между нами сверкнуло и загорелось что-то, как искра, светлое, и жгучее, и радостное. И опять от этого на душе стало так, как будто и я, и он – долго бродили одинокие, искали друг друга и, сойдясь, обрадовались.

– Всё это очень чудно, – задумчиво произнёс Коля, но уже

совсем другим голосом, чем раньше, – и вы мне кажется странным мальчиком. О, да, я так вас буду называть: Странный Мальчик. Но о том, что вы нам рассказали, я никогда не слыхал, не читал, и мне оно не приходило в голову. Может ли быть, – спросил он, не то к нему обращаясь, не то к себе, – чтобы наша жизнь была сном, а наш сон – настоящей жизнью? Но ведь гора всё-таки есть и я сижу на ней. Сажу ли? Посмотрите, – он взмахнул руками, – я бью землю и это ведь наверно. Скоро нас позовут завтракать. Придёт толстая Маша. Дома есть мать и она нас ждёт. Как странно всё, что вы говорили. Как вас зовут?

– Алёша.

– Мне нравится ваше имя, – важно произнёс Коля, – но всё-таки будьте для нас «Странным Мальчиком». Я, кажется, буду вас любить. Послушайте, Странный Мальчик, я теперь сижу на горе и с вами разговариваю? Или мне это кажется?

– Вам кажется, – тихо отозвался Алёша. – Разве во сне вы так же не видите этой горы, товарищей и всё это вам не кажется настоящим? Во сне вы видите свет, хотя ваши глаза плотно закрыты; вы разговариваете, хотя не раскрываете рта; вы бегаєте, а между тем ваши ноги неподвижны. Не правда ли?

– Это правда! – вскричал я.

– Совершенно верно, – подтвердил Коля. Только Стена безгласно фыркнул и закурил.

– Вот видите, – продолжал Странный Мальчик, – и только проснувшись, вы узнаете, что оно было сном и неправдой. Для меня же наоборот. Я знаю: то, что во сне со мной – есть истинная правда, и не верю тому, что есть здесь. Здесь ложь, гадкий сон, потому что жизнь должна быть счастьем, а не страданием. «Там» же – правда, и она даёт счастье. Ах, я счастлив, когда наконец засыпаю.

Наступило молчание. Мы сидели и глядели на него, и теперь он представлялся нам совершенно иным и в другом свете. Как было дивно... Оборванный мальчик, которого мы хотели прибить, он был теперь больше, чем равный нам, и мы крепко уважали его. Своей уверенностью он точно убедил нас, что он сын царя. Разговор его соответствовал его сану, и несколько не казалось уже неприятным; что он босой. Глядя на него, мы находили его всё более милым, а черты лица благородными, возвышенными.

– Скучно что-то очень, – произнёс Стёпа, зевнув и перевёртываясь на живот. – Нет, я уже пойду, – он неожиданно вскочил на ноги, – а то мне худо от бабки придётся. Даром только, прибег сюда.

Он постоял подле нас, видимо колеблясь, поглядел на солнце, с азартом почесался, совсем было уже тронулся, чтобы идти, как опять обернулся и, обращаясь к Странному Мальчику, произнёс с насмешкой:

– Так ты, стало быть, чёрт, теперь будто спишь?

– Я сказал, – ответил Странный Мальчик.

– Чудно что-то очень. Ну, а я то как, значит, по твоему: взаправду здесь или тоже сон твой?

– Вы, может быть, и существуете, но для меня вы – сон.

– Так... – зловеще произнёс Стёпа, – ну, а как я тебя вот этак тресну кулаком по этому месту?

У него загорались постепенно глаза, и руки сжимались в кулаки.

– Будешь ты кричать или нет?

– Я никогда не кричу, когда меня бьют. Мне, правда, от ударов больно, но я знаю, что никто меня не бьёт. Оттого и не кричу.

– А ну, попробую! – с жестокостью произнёс Стёпа, приблизившись к Странному Мальчику.

Тот даже не сделал движения, чтобы защищаться. Коля с любопытством смотрел, ожидая, что будет. Я только в волнении протянул руки. Но в это время Стёпа размахнулся и изо всей силы нанёс Странному Мальчику удар по лицу. Я крикнул от ужаса. Алёша покачнулся, с жалкой гримасой-улыбкой посмотрел на нас, провёл рукой по лицу, и опять уже сидел ровно, не издав ни звука.

Мы все молчали.

– Какие гадкие сны бывают, – прошептал Странный Мальчик.

– Я тебя дойму, – озверев, диким голосом вдруг крикнул Стёпа, – ты у меня закричишь!

– Ну, ты, – не дам больше, – сурово вмешался Коля и,

обращаясь к Алёше, с важностью сказал:

– Странный Мальчик, вы выдержали с честью испытание и теперь я верю вашим словам. Хотите быть моим другом?

Алёша улыбнулся ему. Я же страдал и наслаждался счастьем. Стёпа всё стоял нахмурившись и исподлобья глядел на нас.

– Ну, и чёрт с вами, – вырвалось у него с досадой. Он плюнул и убежал.

Солнце стояло уже почти над головой и безжалостно жгло нас. Сверху как бы спускался огромный шар, наполненный жаром, а вдыхаемый воздух казался густым, нездоровым. Раскалённое серебро моря стояло неподвижно, а посреди него, как человек в пустыне, еле передвигалась лодочка. Слева отчётливо вырисовывалась невысокая церковь слободы и над крестом её летала стая голубей.

– Хочешь играть с нами? – спросил Коля у Странного Мальчика. – Но раньше я поведу тебя к нашему «ключу», где мы умоемся. Жарко очень.

– Я никогда не играю.

– Как не играешь, – вмешался я, – разве можно не играть?

– Я не люблю играть, – повторил Странный Мальчик, – я люблю думать. В игре нельзя быть свободным. Всё мешает, и от всего зависишь. Когда же я думаю, я совершенно свободен. К тому же игра утомляет и вместо удовольствия испытываешь слабость. Я очень слабый.

– О чём же ты думаешь? – спросил я с любопытством.

– Обо всём. Я сидел на скале и глядел на море. Лучшую радость ведь получаешь благодаря глазам. Я сижу неподвижно, и всё само, без моего усилия, входит в меня. Не только входит, но как бы просит разрешения войти. Я открываю глаза, и вся прекрасная даль входит в меня. Какое море ни широкое, но всё же сжимается, чтобы уместиться в моих глазах...

– Как у тебя умно всё выходит, – с жаром перебил я его.

Он улыбнулся и продолжал:

– Пролетит птица, но и она моих глаз не минует, на миг войдёт и полетит дальше. Самое большое и самое малое входит в меня и радуется. Нужна ли мне игра?

– Но тебе не хочется бегать, кричать, охотиться? – спросили мы оба жадно, в один голос, всё более поражаясь тем, что слышали от него.

То, что он говорил, было так странно, необычно для нас. И то, чем мы жили до сих пор, стало как будто колебаться, становилось как будто чужим от новых мыслей.

– Нет, не хочется. Вы посмотрите: мне пятнадцать лет, а мне едва дают двенадцать. Я ведь слабый, и оттого, вероятно, не хочется... Дома я как-то слышал, что скоро умру. Потому и учиться перестал, потому и читать перестал.

Со страхом мы взглянули на него. Я никогда не видел мёртвых людей, никогда не видел людей смертельно-больных и никогда не думал о смерти. Не думая, как-то уверен был, что смерть существует для других, нас же не коснётся.

О себе не говорю. Мне даже дико было бы подумать, что я могу умереть. Не только потому, что смерть считалась чем-то невыразимо страшным, и что о ней дома говорили шёпотом и с ужасом: я ненавидел смерть и инстинктивно боялся её.

– Ты скоро умрёшь? – с трепетом спросил я его.

– Слышал, как говорили, что недолго проживу ещё.

– А... а ты не боишься смерти? – бледнея, спросил Коля дрожащим голосом. Оба мы стали боязливо оглядываться назад. Казалось всё, что кто-то стоит за спиной у нас.

– Я ничего и никого не боюсь, – медленно, как бы желая убедить нас в том же, ответил Странный Мальчик. – Кого мне бояться? Я ведь сын царя. Но у меня гадкие сны, которые преследуют меня. Я просыпаюсь сыном бедного слепого, которого все и всегда мучают. Мать... ах, если бы вы знали, как мы несчастны. Но вот придёт смерть, и всё переменится. Никогда уже не проснусь я, и вечно буду там, где живу настоящей жизнью. Я люблю смерть, – она благодетельница.

– Всё это чрезвычайно странно и непонятно, – почти с отчаянием произнёс Коля, подумав. – Не бойся, Павка, – успокоил он меня, заметив, что я стал дрожать и схватил его судорожно за руку. – Я должен поговорить с папой об этом. Ты ужасно странный мальчик. Я таких не встречал. Но ты мне очень нравишься и, – откровенно прибавил он, – если бы я не боялся, то сидел бы с тобой и разговаривал. Так интересно всё, что ты говоришь, и мне право чего-то стыдно. – Голос

его оборвался. – Кажется стыдно? – задумчиво переспросил он себя. – Ты назвал Красного Монаха. Кто это такой? А Наставник? Я готов познакомиться с твоими друзьями и врагами. Я верный... в дружбе.

– Я верю тебе, – сказал Странный Мальчик.

– Кто такой Красный Монах и Наставник? – спросил я.

– Наставник, – ответил Алёша, – самый добрый, близкий и драгоценный друг мой. Красный Монах – могущественный враг нашего царства, – и между Наставником и Красным Монахом была вечная борьба.

– Ты говоришь была, – произнёс я, – а теперь?

– Об этом я вам когда-нибудь расскажу.

– Разве они существуют? – спросил Коля, положив руку на плечо Странного Мальчика.

– Конечно. Они существуют, но не «здесь» а «там», в царстве моего отца. Какая удивительная, прелестная жизнь у нас. Даже жалко и стыдно видеть всё, что здесь. Если бы вы хоть одним глазом могли увидеть, как у нас прекрасно.

– Разве там всё не так, как здесь? – спросил я, всё держа Колю за руку.

– О, несколько не похоже; меньше чем тёмная комната похожа на солнце.

– Там училища нет? – с недоверием допытывался я.

Странный Мальчик вдруг засмеялся.

– Нет, – произнёс он, став серьёзным. – Трудно представить себе, что там. Когда-нибудь я вам подробно расскажу,

как живут в нашем царстве.

Мы молча слушали его. Всё было так ново и захватывало целиком. «Вот тебе и оборванный мальчик», – думал я, всё более чувствуя его превосходство над нами. А мы ещё хотели побить его...

– Ну, расскажи нам о «Красном Монахе», – попросил, наконец, не выдержав, Коля.

– Расскажи, пожалуйста, расскажи, – попросил и я.

– Хорошо, я расскажу вам, – с готовностью ответил Странный Мальчик, и мы переменили места, чтобы удобнее слушать.

Но в эту самую минуту раздался острый голос Маши, звавшей нас завтракать. Приходилось отложить слушание рассказа. Неохотно мы поднялись со своих мест.

– Ты видишь, нас зовут и нам нужно идти, – произнёс Коля. – Посиди, если можешь, и подожди нас. После завтрака мы придём, и ты нам расскажешь о «Красном Монахе».

– Я думаю и мне уже пора домой идти. Лучше всего зайди к нам, когда будешь свободен. У меня славный брат, и он будет рад когда ты придёшь. Тогда я расскажу вам, если удобно будет. А то в другой раз когда-нибудь...

– Паничи, Коля! Павлуша! – кричала Маша, надрываясь.

– Сейчас, – с досадой крикнул в ответ Коля и, подумав, сказал, – хорошо, я приду к тебе с Павкой, как только мне можно будет.

– Вот это будет славно, – одобрил Алёша.

– Так мы друзья, – повторил Коля снова, – подавая на прощанье руку.

– Друзья, друзья, конечно, – улыбаясь ответил Странный Мальчик.

Мы стали спускаться, всё оглядываясь на Алёшу, который быстро вскарабкался на третью площадку и сейчас же появился на скале.

– Какой славный мальчик, – задумчиво сказал Коля, сбегая вниз.

– Ужасно хороший, – поддержал я, – и я люблю его.

– Никогда я такого не встречал. Спрошу сегодня у папы кое о чём. Наверно папа знает.

– Папа всё знает, – убеждённо произнёс я.

Говоря так, мы успели спуститься с горы. Во дворе мы ещё раз оглянулись на Странного Мальчика. Опять, как прежде, не то муха, не то большая птица, не то человек сидел на скале. Мы дружески улыбнулись ему, будто он мог увидеть улыбку, и пошли домой.

– Бабушка, – оживлённо произнёс ещё на пороге Коля, – скажите: существуем ли мы, или нам это только кажется, а на самом деле мы спим?

– Что такое? – изумилась бабушка, глядя на него во все глаза.

– Существуем ли мы, или нам это только кажется? – повторил он.

– Ступай лучше умыться, – скомандовала мать, – я тебя

таким грязным к столу не пушу.

Против обыкновения Коля не стал противоречить и пошёл исполнять приказание.

– Умываемся ли мы? – с недоумением произнёс он, стоя перед умывальником и взглянув на меня, – или нам это только кажется?

Я начал тихонько дрожать.

– Должно быть, снится, – трепещущим голосом ответил я. Мы переглянулись. В первый раз в жизни мне стало страшно от того, что я посмотрел ему в глаза.

– Глаза ли это? – пронеслось у меня с ужасом.

Я внезапно почувствовал, что мы стали чужими, далёкими...

– Брат? Что такое брат?

Ледяные струи поползли по моему телу. У меня завертелось в голове.

– О чём я думаю, зачем я это думаю? – упрекнул я себя, – ведь это Коля, Коля! Что такое Коля? А, может быть, мне всё это снится. Где это я теперь?

Я вздохнул и оглянулся. Коля уже намылил лицо и руки, и там, где были его глаза, лежали большие комки белой пены.

Я сделал умоляющий жест и как-то весь сжался.

– Это ты, Коля? – тихо спросил я. – Не будем говорить об этом, – прибавил я сейчас же.

– Не будем, – равнодушно ответил он.

Стало как-то очень скучно в комнате, и плеск воды раз-

дражал, как будто кто-то царапал тело в одном месте не переставая. Мы молча dokonчили умывание и пошли в столовую. Там было темновато от полузакрытых ставней. Коля ещё раз спросил:

– Мама, живём ли мы, или это только сон, гадкий сон?

– Что это за глупые вопросы, Коля; вот, возьми яйцо.

– Это яйцо?

Он внимательно осмотрел его, точно впервые увидел; долго вертел в руках и, наконец, лениво разбил.

– Как будто яйцо, – тихо произнёс он, – а может быть его совсем и нет.

Он задумался и молча ел. Я осмотрел свой хлеб, попробовал его и спросил:

– Бабушка, это хлеб? Что такое хлеб?

Здесь я не так боялся и мне было легко.

– Да что это с ними сегодня?! – рассердилась мать. – Ешьте скорее. У Маши постирушка, и ей нужно дать прибраться.

Мы начали есть. Молча, без шума, без крика прошёл завтрак. Мать не могла надивиться нашей сдержанности.

– Вот такими, – произнесла она, обращаясь к бабушке, – я их обожаю. Как приятно, когда завтрак проходит без огорчений.

Мы не дослушали конца её рассуждений и отправились в свою комнату. Там Коля улёгся на кровати, а я сел у окна и стал смотреть на двор. На скале уже никого не было.

– Никого нет на скале, – с сожалением произнёс я.

– Я так и знал, – ответил Коля, – но мы пойдём к нему. Только бы мама об этом не узнала.

Потом мы молчали долго, всё думая о том же.

– Удивительно?! – произнёс, наконец Коля.

Я живо обернулся и сейчас же пересел к нему.

– Что ты, Павлуша, думаешь о нём?

– Мне жаль, что Стёпа его ударил.

– Нет, не то, – с нетерпением оборвал он меня, – живём ли мы, или это нам кажется, а мы спим. Что такое жизнь, Павка?

Я не мог сразу ответить на этот вопрос, молчал и думал.

– Жизнь, – сказал, наконец, я, – жизнь это... жизнь. Как странно, Коля, что мы никогда об этом не думали...

– Я бы у учителя спросил, – отозвался он, – но наверное и тот не знает. Странный Мальчик умнее всех их. Учитель интересуется, выучил ли я басню, решил ли я задачу. Задача? За-да-ча, – повторил он раздельно, – разве это имеет какой-нибудь смысл? Но ведь тогда и учителя нет, и если он мне является во сне, то только, чтобы спросить или объяснить задачу. Как же человек, который мне снится, может знать, что такое жизнь?

– Мне страшно, Коля, – дрожа выговорил я, хватаясь по обыкновению за него.

Он каким-то странным взглядом смерил меня и вдруг засмеялся:

– Но ведь и ты, Павлуша, сон мой; почему же мне жалеть, что ты боишься.

– Коля, перестань, я боюсь! говорю тебе, мне страшно. Всё это неправда. Ты Коля, а я твой брат и папа наш, а другое, может быть, и сон. Но мы, мы не во сне, мы на самом деле. Не говори больше, Коленька. Вот я держу тебя за руку. Ты чувствуешь, что я держу её. Нельзя много думать. Странный Мальчик нас обманул. Ах, зачем мы его слушали, – вырвалось у меня с тоской.

– А что, – вдруг произнёс Коля, следя за своей мыслью, – а что если и Странный Мальчик наш сон? Что Павлуша? Как ты думаешь? Вот так ловко вышло!

Он засмеялся успокоенным смехом, и я с радостью в душе, но со слезами на глазах, стал улыбаться.

– Значит, – решил Коля, – так. Его нет – он наш сон, и рассказал он нам, что нас нет, а мы ему снямся. Что... Я ничего уже не понимаю...

Он внезапно перестал смеяться и замолчал. Также внезапно он прижался ко мне и тихо шепнул:

– Я боюсь, Павлуша!.. Я смертельно боюсь, милый мой. Кто сон: он или я, или мы все – сон? Может быть есть какое-нибудь могущественное существо, которое спит теперь и все мы – с папой, с горой – снямся ему...

Как будто длинная и холодная игла прошла сквозь меня от головы к ногам. Не ужас, а что-то большее, не счастье, а что-то бесконечно ослепительнее, испытал я при звуках этого родного жалобного голоса.

– Пойдём к маме! – вскричал я, – пойдём, где светло, где

люди. Я не хочу, чтобы мы здесь оставались. Пойдём, пойдём!!.

И мы с диким воплем выбежали из детской...

Но я ошибся. Мы долго не забывали этого, и многие годы подряд нет-нет и – эти сумасшедшие мысли приходили и беспокоили. Они приходили, наводили безумный страх, мучили, терзали меня и исчезали так же неведомо, как внезапно приходили.

Алёша круто повернул мой душевный мир.